

DOI: 10.24411/2308-8079-2019-00008

УДК 2-76:02

**МИССИОНЕРСКИЙ АСПЕКТ РАБОТЫ КНИГОНОШ
В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.**

Шабунин В.В.

В данной статье исследуется вклад книгонош в распространение религиозных вероучений на территории Российской империи в конце XIX – начале XX вв. Автором проанализированы причины популярности работы книгонош, как в народной среде, так и среди русской интеллигенции. Выявлены источники кризиса работы книгонош к концу XIX в. и рассмотрены пути выхода из него. Проведен сравнительный анализ форм и методов миссионерской деятельности сектантских и православных книгонош. Автор пришел к выводу, что принятый в начале XX в. закон о веротерпимости, стал дополнительным импульсом для привлечения книгонош к делу православной миссии.

Ключевые слова: миссионерская деятельность, Русская православная церковь, книгоноши, сектанты, русская интеллигенция, крестьянство.

**THE MISSIONARY ASPECT OF THE WORK
OF COLPORTEURS IN THE RUSSIAN EMPIRE
BETWEEN THE LATE 19TH AND EARLY 20TH CENTURIES**

Shabunin V.V.

This article examines the contribution of colporteurs in the distribution of religious faiths in the Russian Empire between the late 19th and early 20th centuries. The author analyses the reasons of the popularity of colporteurs' job both among the folk and among the intelligentsia. The article also explores the sources of the crisis of the colporteurs' work at the end of the 19th century and the ways out of it. A comparative analysis shows forms and methods of missionary activities of sectarian and Orthodox colporteurs. In conclusion, the Act of toleration adopted in the early

20th century was an additional impetus to attract colporteurs to the case of the Orthodox mission.

Keywords: missionary activity, Russian Orthodox Church, colporteurs, cultists, Russian intellectuals, the peasantry.

С принятием Христианства на Руси появились первые книгоноши, которые по поручению Церкви распространяли книги духовного содержания. Однако феодальная раздробленность и последующее татаро-монгольское нашествие стали причиной «затухания» их деятельности, и только к середине XIX в. возрождается «целая армия» книгонош. Это связано с тем, что книжная культура в середине XIX – начале XX вв. все прочнее входила в жизнь российского обывателя. Двигателями культуры были начальные школы, православные миссионеры и книгоноши (последних называли также офенями, коробейниками, коробочниками, картинщиками, сумарями, щепетильниками, кантюжниками; их самоназвание – масыки).

Для большинства книгоношение являлось отхожим промыслом. Обычно книгоноши отправлялись в путь ранней осенью и возвращались к Пасхе. Они носили свой короб на спине или на ручной тележке и санках, более состоятельные выезжали на лошадях. Некоторые богатели настолько, что становились купцами второй гильдии, имели до 100 тыс. рублей капитала, приобретали собственные дома. Создавались и офенские артели с паевым капиталом. По современным оценкам, в 1860-70-х гг. на территории Российской империи работало несколько десятков тысяч книгонош [1, с. 63]. Труд их был тяжел и опасен (многих по дороге пытались убить и ограбить), иногда им приходилось за сезон пройти пешком с коробом на спине тысячи верст. Деятельность книгонош охватывала не только центральные губернии, но и распространялась на север, на Украину, Дон, Кавказ, в Сибирь, Туркестан и даже на Дальний Восток. Известны случаи, когда они достигали Аляски, Турции, Сербии, Болгарии, Румынии. Каждый прокладывал себе индивидуальный маршрут, держа его в тайне, чтобы избежать конкуренции.

Доход, прежде всего, зависел от степени урожая: «чем больше урожай крестьян, тем лучше идет торговля» [10, с. 309]. Учитывая это, книгоноши повсеместно имели своих агентов (обычно это были держатели постоянных дворов, где останавливались офени), которые сообщали об уровне урожая в том или ином регионе страны. Везде книгонош принимали с особым радушием, особенно в деревне, где они выполняли функцию разносчиков новостей и носителей «пищи для ума». «Мужичку вольготно принять у себя в избе, не слезая с печи, офеню, в лице которого он встречал своего брата-товарища» [10, с. 316], отмечал очевидец.

Книгоноши прекрасно знали народные вкусы, поэтому продавали только те традиционные книги и картины, в сбыте которых были уверены. Иногда они распространяли свой товар безденежно (путем натурального обмена за угощение и ночлег), случалось, что давали имевшиеся у них книги на прочтение за несколько копеек в сутки, т.е. получалась своеобразная передвижная «коммерческая» библиотека для простого народа. Книгоноши торговали и на небольших местных ярмарках, где они арендовали палатки, раскладывали свой товар на земле, развешивали картины на веревках. Устраивались «лубочные комедии», раешные представления, в которых давались пояснения к картинам. Главным предметом торговли являлась икона, затем следовали книги и картины, на третьем месте – так называемая «галантерея».

Разумеется, что подавляющее большинство книгонош были грамотными. Они умели не просто хорошо расхваливать товар, но и много и подробно о нем рассказывать. Они хорошо знали жития святых, изображенных на иконах и содержание книг, которые продавали. Даже неграмотные книгоноши учились у грамотных товарищей запоминать названия и содержание книг. Рассказчики-офени собирали вокруг себя множество народа, не забывая при этом предлагать тот или иной товар. Рассказывая содержание книги в красочных подробностях, настоящий книгоноша мог продать довольно дорогую по местным меркам книгу даже неграмотному крестьянину (особенно, если в книге были красивые

иллюстрации). Офеня мог помочь что-то прочесть или за особую плату составить нужную бумагу.

Однако к концу XIX в. деятельность книгонош пошла на спад. Во-первых, это связано с развитием сети железных дорог. Упрощался доступ книг в уездные города и в крупные села, где появлялись стационарные книжные лавки, с которыми офени не могли конкурировать. Во-вторых, негативно сказывалась на промысле книгонош активизация издательской деятельности земств и народнической интеллигенции, пытавшейся дать крестьянству дешевую книгу. В-третьих, и это самое важное, на книгонош усилился административный гнет. Революционное движение 60-х гг. XIX в. привело к более пристальному вниманию со стороны властей к работе книгонош. В связи с этим в 1865 г. были приняты правила о разносной книжной торговле. В соответствии с ними книгоноши должны были получать от волостных правлений удостоверения о своей полной благонадежности, а в уездах – у исправника специальные свидетельства на право торговли книгами [5, с. 397-406]. Данные правила на практике привели к злоупотреблениям на местах. «Офеней сначала обирали в волостных правлениях, а потом канцеляристы у уездных исправников» [цит. по: 12, с. 58], – вспоминал русский издатель, литограф и этнограф И.А. Голышев. А по постановлению правительства от 1881 г. разрешение на торговлю стало выдаваться губернатором, а не исправником [6, с. 309]. Произвол уездных властей сменился произволом и бюрократией губернского центра.

В этих условиях многие книгоноши перебивались как могли: одни бросали торговлю, другие – «в трескучие морозы, одетые в лохмотья, с обмороженными лицами» [10, с. 316] пытались продолжать свою работу. Поэтому неудивительно, что они искали новые формы сотрудничества с издателями, в том числе и религиозными. В частности, книгоноши с легкостью откликались на призыв сектантов взять на себя не только работу по распространению специальной духовной литературы, но и дело проповеди соответствующих учений.

В конце XIX – начале XX вв. для распространения учения сектанты использовали целый штат наемных книгонош-миссионеров, которыми становились люди ловкие, расторопные, красноречивые, отлично знающие сектантское учение. Они умели быстро создавать вокруг себя благоприятную атмосферу для развития своих идей, с «фанатичной настойчивостью навязывая каждому встречному книжки-брошюры с изложением учения секты» [7, с. 1319], тем самым подрывая авторитет РПЦ и ее учения. Нередко выступления таких проповедников устраивались с элементами торжественности. Заранее вывешивались афиши, извещавшие о приезде «знаменитого оратора», проповедь которого сопровождалась выступлением хора, исполнявшего сектантские гимны. Слушателям раздавалась бесплатная литература и небольшое угощение [7, с. 401]. «Братская» атмосфера подобных встреч, слаженное пение сектантов, в котором могли принять участие все желающие, незамысловатые, доходчивые проповеди на злободневные темы – все это часто приводило к отпадениям от Православной Церкви. Сектантские книгоноши-миссионеры часто действовали по одной и той же схеме: поработав в одном месте, отмечали себе в блокнот адреса и имена сочувствующих их учению и передавали данную информацию своим помощникам. Те же, в свою очередь, вторично посещали эти населенные пункты и проповедовали в домах потенциальных неофитов, а сектантские книгоноши-миссионеры двигались дальше.

Иначе книгоноши действовали в городах, проповедуя религиозное учение на местных рынках, в трактирах, солдатских казармах, полицейских участках. В каждом портовом городе работали особые «портовые» сектантские книгоноши-миссионеры, «в обязанности которых входила пропаганда среди портовых рабочих, пассажиров на пароходах и железной дороге» [2, с. 226]. Распространяя литературу, сектантские книгоноши-миссионеры пытались завлечь людей собрания, чтобы окончательно обратить в свою веру. Так, например, в 80-е гг. XIX в. московские сектанты книгоноши-миссионеры И. Бочаров и С. Васильев проводили в гостинице «Неаполь» у Николаевского

вокзала систематические духовно-библейские собрания. Их посещали представители народной среды: рабочие, крестьяне, мастеровые и фабричные, причем набиралось «такое множество народа, что негде было всем и разместиться». Организаторы были вынуждены снять более просторный трехкомнатный номер за четырнадцать рублей в месяц. Участники этих собраний даже попытались устроить совместную общинную жизнь. В качестве первого шага установили в одной из гостиничных комнат «братскую кружку». Туда складывали денежные средства, а кто испытывал нужду, мог свободно брать из нее [12, с. 63].

Но этим работа сектантских книгонош-миссионеров не ограничивалась. Они пытались распространять свое учение среди представителей интеллигенции. Уже упомянутый С. Васильев подружился с Л.Н. Толстым, не раз навещал великого писателя в Ясной Поляне. «Книгоноша Васильев ищет единения и согласия» [14, с. 4], – отмечал Л.Н. Толстой в своих дневниках.

С той же целью сектантские книгоноши-миссионеры посещали трактир «Яма» на Рождественке, где собирались мыслящие люди и вели импровизированные философские и религиозные споры. Здесь можно было встретить известных общественных деятелей, издателей, писателей, таких, как Н.А. Бердяев, П.Д. Боборыкин, С.Н. Булгаков, В.С. Соловьев, В.Г. Чертков, Е.И. Чириков и др. [3, с. 98-99]. Их выступления привлекали московскую интеллигенцию. Регулярными посетителями этих вечеров стали и сектантские книгоноши-миссионеры. Они привозили туда духовную литературу, вступали в беседы на актуальные религиозные темы. «Братья, весь смысл жизни – в Евангелии. Приобретайте и читайте эту книгу» [цит. по: 12, с. 68], – проповедовал сектантский книгоноша-миссионер Э.И. Сеницын.

Более того, книгоноши получали финансовую поддержку из-за рубежа. Так, уже к 1892 г. при содействии великобританского и иностранного библейского общества на территории страны официально работало 79 сектантских книгонош-миссионеров (из них 48 – в северной России, а 31 – в южной, на Кавказе и в Туркестане) [13, с. 9].

В связи с этим православный миссионер Александр Введенский с прискорбием отмечал: «Можно смело сказать, что та быстрота, с которой распространилось сектантство по селам и городам Руси обязано плодотворной и энергичной деятельности книгонош-миссионеров» [2, с. 221].

Очевидно, что Церкви необходимо было повлиять на сложившуюся ситуацию. В 1887 г. в выработанных на I Всероссийском миссионерском съезде «Правилах об устройстве миссий» специально подчеркивалось, что священнослужители должны следить за деятельностью книгонош, «которые нередко распространяют учение молокан, баптистов и других сектантов» [8, с. 617]. Однако на практике этим фактически никто не занимался. Хотя представители интеллигенции постоянно указывали православному духовенству на нереализованный миссионерский потенциал книгонош. Так российский публицист-этнограф, историк и исследователь русского раскола А.С. Пругавин на страницах своей книги «Запросы народа и обязанности интеллигенции» [10] призывал волонтеров заняться работой книгонош для распространения «хорошей» православной литературы и, как следствие, привлечения в РПЦ новых верующих. Отклик был получен. В 1893 г. к А.С. Пругавину обратились московские студенты, желающие поработать во время летних каникул в качестве православных книгонош-миссионеров на добровольных началах. Публицист подробно изложил теоретический алгоритм их будущей деятельности на страницах журнала «Русский вестник» [11, с. 126-127]. Этим алгоритмом воспользовались и другие инициативные граждане страны, например, один из сельских учителей Бельского уезда Смоленской губернии. Он распространял православную литературу во время храмовых праздников в соседних селах. «Торговля идет бойко, – сообщал он, – раскупают не только мелкие издания, но и крупные, например, в 60 копеек». [11, с. 127]. Однако православное духовенство в конце XIX в. не воспользовалось стремлением представителей широких кругов населения страны участвовать в деле церковной миссии. Так, например, вопрос о создании института

православного книгоношества-миссионерства серьезно не ставился ни на одном из первых трех Всероссийских миссионерских съездов (1887, 1891, 1897 гг.).

Ситуация начала существенно меняться только в начале XX в. События Первой русской революции и подписанный 17 апреля 1905 г. царский Указ «Об укреплении начал веротерпимости» выявили негативные стороны миссионерской работы РПЦ. Теперь даже опытные миссионеры-практики признавали «силу и пользу книгоношества-миссионерства в близости к народу, простоте логики, естественности и жизненности построения проповеди» [9, с. 704]. В связи с этим на прошедшем в 1908 г. IV Всероссийском миссионерском съезде в Киеве было принято решение о принятии светским лицом звания миссионера. А, значит, с этого времени православные книгоноши-миссионеры получили официальный статус.

Более того, Православная Церковь стала открывать специальные курсы для подготовки будущих миссионеров из гражданских лиц, заводить собственные типографии, содержать книжные склады с духовно-нравственной литературой. При этом на миссионерские курсы активно привлекали книгонош, которых обучали не только распространять духовную литературу, иконы и церковную утварь, но и проповедовать православное учение. В работу по привлечению книгонош к делу распространения православия энергично включились миссионерские православные церковные братства. Так, при миссионерском братстве «Во имя Воскресения Христова», открывшемся в Москве 4 января 1909 г. в районе Бутырского вала, работал собственный киоск для продажи религиозных изданий. С целью распространения религиозной литературы данное братство содержало книгонош-миссионеров, которые осуществляли свою деятельность как на территории Московской епархии, так и за ее пределами. Постепенно при миссионерских братствах стали вводиться специальные, постоянно действующие должности книгонош-миссионеров. Так, по данным современного исследователя О.П. Цысь, в братстве «Св. Дмитрия Солунского» Тобольской епархии в 1910 г. при книжных складах вводились три должности православных книгонош-миссионеров, которые должны были

посещать в зимние месяцы села и деревни, продавая там различную духовную литературу. Объем торговли был невелик – от 150 до 300 руб. в год по каждому округу [15, с. 228].

Необходимо отметить тот факт, что не только при миссионерских православных церковных братствах, но и в епархиях стали появляться отдельные оплачиваемые должности приходских книгонош-миссионеров. Так по данным современного исследователя истории православной миссии М.С. Кокорева, в 1913 г. епархиальный съезд духовенства Самарской епархии утвердил должность книгоноши-миссионера, который был должен заниматься распространением литературы (продажей и бесплатной раздачей). Поскольку должность эта была связана с постоянными разъездами и не могла осуществляться только «на общественных началах», книгоноше было определено приличное жалование – 400 рублей в год [4, с. 132].

Таким образом, в России работа книгонош в народной среде была популярна издавна, но в конце XIX в. по объективным причинам она переживала фазу кризиса. Этим обстоятельством воспользовались сектанты, которые нанимали книгонош, материально обеспечивали их (финансирование шло, в том числе, и из-за рубежа). Взамен офени должны были распространять литературу и учение сектантов. На этом фоне официальная Православная Церковь оставалась равнодушной к общественным инициативам, направленным на реализацию миссионерского потенциала книгонош. Тем не менее, ситуация изменилась после подписания царского Указа «Об укреплении начал веротерпимости», который стал новым импульсом развития православного миссионерства. Церковь приняла ряд активных мер для удержания своей паствы, профилактики отпадений и привлечения новых последователей православия. В этой связи к делу распространения православия стали энергично привлекать книгонош. Их обучали на специальных курсах, учреждали соответствующие оплачиваемые должности в епархиях и при миссионерских православных церковных братствах. Однако вступление в 1914 г. Российской империи в Первую мировую войну и последующие Февральская

и Октябрьская революции прервали процесс формирования института православного книгоношества-миссионерства на территории страны.

Список литературы:

1. Андреева О.В. Книжное дело в России в XIX – начале XX вв. М.: Московский гос. ун-т печати, 2009. 128 с.
2. Введенский А.П. Борьба с сектантством. Одесса: Типография епархиального дома, 1914. 413 с.
3. Бердяев Н.А. Самопознание. Опыт философской автобиографии. М.: Азбука, 2015. 416 с.
4. Кокарев М.С. Финансирование епархиальной миссии Русской православной церкви в 1905-1917 гг. (на материалах Самарской епархии) // Социум и власть. 2016. № 1 (57). С. 131-134.
5. О некоторых переменах и дополнениях в действующих ныне цензурных постановлениях. // Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ). Собрание 2-е. Т. 40. СПб., 1865. № 41990.
6. Об изменении правил городского положения, относящихся к устройству и порядку действий учреждений, надзирающих за производством торговли // ПСЗ РИ. Собрание 3-е. Т. 1. СПб., 1881. № 445.
7. Одна из мер к ограждению православных от адвентистско-субботнической пропаганды // Миссионерское обозрение. 1908. № 10. С. 1319-1320.
8. По поводу съезда миссионеров в Москве // Церковный вестник. 1887. № 38. С. 617-618.
9. Противосектантский миссионер Олонецкой губернии Базарянинов В.П. Как проповедуют книгоноши // Миссионерское обозрение. 1906. № 5. С. 703-704.
10. Пругавин А.С. Запросы народа и обязанности интеллигенции в области просвещения и воспитания. СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1895. 576 с.

11. Пругавин А.С. Книгоноши и офени (встречи, наблюдения, исследования) // Русский вестник. 1893. № 4. С. 107-129.
12. Старинин И.И. Записки библейского книгоноши // Голос минувшего. 1914. № 10-13. С. 56-71.
13. Статистические записки и извлечения из 87-го отчета великобританского и иностранного библейского общества. СПб.: Б.и. 1892. 16 с.
14. Толстой Л.Н. Записки христианина, дневники и записные книжки 1881-1887 // Полное собрание сочинений в 90 томах. Т. 49. М.: Государственное издательство художественной литературы Москвы, 1952. 319 с.
15. Цысь О.П. Борьба с расколом и сектантством в Тобольской епархии в конце XIX – начале XX вв.// Актуальные вопросы истории Сибири. Третьи научные чтения памяти профессора Л.П. Бородавкина. 5-6 октября 2001 г. Барнаул, 2002. С. 225-229.

Сведения об авторе:

Шабунин Вадим Владимирович – кандидат исторических наук, учитель истории, руководитель кафедры гуманитарных наук школы № 2107 города Москвы (Москва, Россия).

Data about the author:

Shabunin Vadim Vladimirovich – Candidate of Historical Sciences, History Teacher, Head of Humanities Department of Moscow School No 2107 (Moscow, Russia).

E-mail: vadim.shabunin@bk.ru.